

УДК 321:01

СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ПОИСК ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ

© 2017 г. А. А. Невеселов, А. П. Скорик

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова, г. Новочеркасск**

Многоаспектная сущность государства является одной из ключевых проблем теории государства и права. Авторы стремятся расширить существующие теоретические представления о предназначении государства. Для концептуализированного прояснения сущности государства, помимо традиционного критерия социально-политического интереса, используются: критерий социально-организационной устойчивости, критерий влияния различных религиозных систем, критерий воздействия этнических групп, критерий расовой ориентации.

Ключевые слова: государство; интерпретация; качественные характеристики; общество; право; сущность; теория; функция.

The multidimensional essence (different aspects) of the state is one of the key problems of the theory of state and law. The authors want by their research to expand existing theoretical ideas about the state's purpose. For the conceptual clarification of the essence of the state, in addition to the traditional criterion of socio-political interest are used: the criterion of socio-organizational stability, the criterion of the influence of various religious systems, the criterion of the impact of ethnic groups, and the criterion of racial orientation.

Key words: the state; interpretation; qualitative characteristics; society; law; essence; theory; function.

Традиционно сущность государства определяется, исходя из исследовательской практики применения критерия социально-политического интереса. Принято говорить о двух генерализующих сторонах сущности государства: классовый и общесоциальной. Длительное время такой методологический подход в теории государства и права оставался вполне приемлемым, хотя в последние десятилетия качественно изменилось само понятие «класс», да и теория государства и права сделала существенный шаг вперед по многим направлениям в осмыслении своего базового объекта научного дискурса — государства. Разберемся во всем по порядку.

Итак, вначале о том, что такое сущность государства, как собственно мы понимаем ее смысловые перспективы. С общеметодологических позиций под сущностью любого

социального явления подразумевается определенная совокупность наиболее важных, устойчивых, глубинных связей, общественных отношений и внутренних закономерностей, присущих данному социальному явлению, и характеризующих его главные черты и тенденции развития. Если говорить о государстве, то его сущность представляет собой главный стержень, центральное ядро, самую сердцевину государства. В телеологическом плане сущность государства презюмирует базисное содержание, генерализующие цели, функционирование и предназначение государства в обществе.

Любое государство начинается с выяснения вопроса о власти, а сущность государства проявляется в принадлежности власти, политической власти в государстве. Так вот, исходя из привычного критерия социально-поли-

тического интереса, мы ставим перед собой вопрос: «Какая власть и в чьих интересах она осуществляется?». Отвечая на поставленный вопрос, неизбежно акцентируем внимание на двух базисных сторонах сущности государства. С одной стороны, власть в государстве всегда осуществляется в исключительных интересах привилегированных слоев населения, независимо от того, какие бы социальные слои при этом не обозначались. Они всегда будут именно привилегированными слоями. Если они долго и надежно удерживают политическую власть, то они оформляются, или уже оформились в господствующий социальный класс. Сразу же подчеркнем, мы далеки от мысли следовать исключительно марксистской классовой доктрине, марксистской трактовке классов. Еще В. И. Ленин под классами понимал «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [1].

Тем не менее, даже власть укрепившегося привилегированного слоя носит классовый характер, хоть этой слой и не является собственно классом, а полулегальной олигархической группой, что мы отчетливо наблюдаем в современной Украине. Понятие «класс» в настоящее время качественно изменилось, особенно в отношении управления государством. Но осталось главное — это классовый, по сути, интерес к доминированию в государстве социально структурированных групп. Следовательно, можно констатировать наличие классовой сущности государства, как одной из важнейших сторон сущности любого государства.

Что же изменилось в трактовке понятия «класс»?! Прежде всего, точнее будет говорить о понятии «социальный класс», под-

черкивая общественный характер использования достаточно многообразного в науке классового критерия и вариантов выделения классов. Дискуссия о понятии «социальный класс» заслуживает самостоятельного анализа и рассмотрения в отдельной работе, но чтобы быть верно понятыми, обратимся к авторской интерпретации. Как мы полагаем, социальный класс — это относительно большая группа людей, занимающая устойчивое статусное место в обществе, критерияльно отграничивающаяся от иных социальных групп, определяющая свое отношение к политической власти, консолидирующаяся на основе источников своего существования материального и нематериального характера, имеющая свои общественно-политические организации, представляющие ее интересы и позиции в обществе и государстве.

Когда мы рассматриваем государство как систему организации политической власти господствующего класса, то, очевидно, не следует ограничиваться исключительно интерпретационными подходами в рамках экономического детерминизма и подчеркивать, что речь идет только лишь об экономически господствующем классе. Ведь при всей важности экономических интересов, совокупность мотивации к господствующему положению в обществе и государстве, увы, сегодня не исчерпывается экономическими приоритетами. На наш взгляд, из типологического понятия «социального класса» вытекают и соответственно связаны с ним в смысловой перспективе две менее масштабные мыслительные конструкции видового порядка: понятие «политического класса» и понятие «управленческого класса». Сегодня в обиходе геополитического анализа и научной презентации теоретических взглядов о государстве довольно широко используются понятия «политического истеблишмента», «политической элиты», и т. п. Полагаем, что степень консолидации наличествующих сообществ людей, стоящих на ключевых позициях в социально-политической системе, выступающих своеобразной опорой общественного строя в данной стране, целенаправленно формирующих господствующее общественное мнение, организующих совокупность

социальных коммуникаций для поддержания общественного порядка вполне может рассматриваться в понятийном плане как «политический класс». Первоочередное удовлетворение его интересов обеспечивает именно «управленческий класс» (непосредственно осуществляющая государственную власть часть «политического класса»), в том числе, с помощью подавления сопротивления других социальных классов, хотя исторические времена всеобъемлющего насилия и открытой диктатуры постепенно отходят в прошлое. Поэтому в настоящее время довольно часто публично звучит мантра соблюдения прав человека, защиты достоинства личности, следования общечеловеческим интересам, и т. п. Тем самым, концепт властного господства в государстве «политического класса» сегодня актуален как никогда.

Однако, при анализе сущности государства его наличествующий классовый характер вовсе не исчерпывает всей смысловой перспективы сущности государства как такового. Более того, власть в государстве представляет собой вполне реальную власть, а не какую-либо умозрительную абстракцию. Рассуждая о власти в государстве, мы, так или иначе, видим перед собою примеры осуществления государственной власти в конкретном государстве. И как бы глубоко при этом не заглядывали в историю, или как бы широко не обобщали современную политическую практику, неизбежно приходим к пониманию того очевидного факта, что власть в государстве находится у относительно небольшой группы людей, действующей, прежде всего, в своих узкогрупповых интересах. Но зачастую власть в государстве выражает не только интересы какого-либо одного класса, или одной социальной группы, но и интересы определенного блока политических сил. Более того, власть в государстве вполне может выражать в какой-то длительный исторический период преимущественно общесоциальные интересы как интересы государственных, и тогда общесоциальные интересы будут преобладать над исключительно узкоклассовыми и/или групповыми интересами. По тем или причинам вынужденный заботиться об удовлетворении общесоци-

альных интересов, правящий класс, так или иначе, выходит за привычные рамки своих узкоклассовых интересов, а, соответственно, проявляется иная, социальная сущность государства, с которой не может не считаться любой правящий класс. Ведь любое государство должно осуществлять в своей деятельности типичные для него общесоциальные функции, обеспечивая устойчивость наличествующих государственных структур.

Итак, наряду с классовой, неизбежно проявляется другая, неотъемлемая сторона сущности государства, именуемая социальной сущностью государства. Это означает функционирование государства не только в интересах правящего класса, но и в законных интересах всего общества, потребности которого непременно обслуживает государство. Соответственно общесоциальная роль, выполняемая государством, является неотъемлемой частью сущностной характеристики любого государства, хотя масштабы реализации общесоциальной роли, безусловно, будут отличаться в реально функционирующем государстве. Ведь человеческое общество не может удержаться в рамках государства исключительно за счет насилия и принуждения, насколько бы деспотичным, тоталитарным и т. п. государство не было. Любым государством довольно широко используются иные, ненасильственные средства государственного воздействия, к числу которых относятся: материальная заинтересованность, религиозные догмы и пр., в том числе, государство традиционно применяет право как достаточно универсальный социальный регулятор, позволяющий снизить остроту социальных противоречий. Тем самым, сущность государства по определению представлена двумя составляющими, двумя сторонами сущности государства: классовой и общесоциальной. Соответственно, неизбежно проясняется ответ на вопрос, является ли данное государство социальным государством?!

Прояснение социальной сущности государства позволяет интерпретировать само государство как организацию политической власти, обеспечивающую исходные условия для нахождения компромисса реальных интересов различных социальных классов и со-

циальных групп, действующих в обществе и государстве. Безусловно, общесоциальный подход к трактовке сущности государства выгодно отличается по своим масштабам от классового подхода, ибо он фундируется общесоциальной природой государства, общечеловеческими идеалами, основывается на более «мягких» методах государственного управления в условиях функционирования такой властной системы как государство, управляющего данным обществом и в интересах конкретного человека, и в интересах общества в целом. При общесоциальном понимании сущности государства акцент традиционно делается на демократических методах государственного управления обществом, ведь достижение социального компромисса невозможно лишь посредством применения принуждения и насилия. Общесоциальный подход указывает на непреходящую ценность для человеческого общества государственной организации, выступающей в роли социального арбитра, надежного гаранта существования гражданского общества. Ведь именно государство через существующую систему органов управления, в пределах закрепленных за ними полномочий, целенаправленно организует и координирует реализацию внутренней и внешней политики, исполнение принятых законов на всей его территории.

Мультипарадигмальная трактовка сущности государства позволяет нам, помимо критерия социально-политического интереса, использовать другие критерии для выяснения сущности государства. К числу таких дифференцирующих критериев сущности государства следует отнести критерий социально-организационной устойчивости, который дает возможность прояснить сущность государства с иных позиций, с позиций организующего начала государства.

С точки зрения социально-организационной устойчивости, сущность государства приобретает три базисных, качественных характеристики. Во-первых, государство предстает как универсальная социальная организация. Во-вторых, государство выступает в обществе как своеобразный социальный арбитр. В-третьих, государство воплощает

в себе легализованное государственное принуждение.

Универсализм социальной организации государства заключается в изначальных возможностях государства реализовать в обществе большинство общественно значимых функций. Прежде всего, организационные качества государства, как ни одной иной социальной организации, позволяют государству предельно четко консолидировать в рамках своей территории всех субъектов права, которые, в свою очередь, делятся на две большие категории, на физических и юридических лиц. К числу физических лиц относятся: отдельный человек — гражданин, иностранный гражданин, лицо без гражданства и другие субъекты правоотношений. В ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации юридическое лицо трактуется как «организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде» [2]. Далее можно многократно уточнять характер имущественных и личных неимущественных прав, анализировать наличествующие отношения собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления обособленным имуществом и т. д., но это уже будет совершенно другой пласт проблем.

Государство как социальная организация обладает несомненным приоритетом перед другими социальными организациями с самого момента своего возникновения, а зачастую оно опережает их по времени появления. Государство более глобально по сравнению с иными социальными организациями в территориальном плане, даже если последние распространяют свою деятельность по масштабу на всю территорию государства. Другие общественные объединения находятся в той или иной зависимости от государства, несмотря на то, что они могут не разделять цели и задачи государства, или же вовсе борются против него. Физические лица, как правило, имеют реальную возможность покинуть государство, отказавшись по тем или иным причинам от статусного положения гражданства и эмигрировав из данной страны. Одна-

ко радикальным образом разорвать все без исключения связи с государством вряд ли получится, если в прежнем государстве, например, остаются частная собственность, или родственники, друзья, иные лица, ибо любые контакты с прежней родиной, так или иначе, осуществляются через посреднические каналы самого государства, или ассоциированных с ним структур. Да, юридические лица неизбежно выходят из-под мощной власти государства, прекращая свое существование, но эти процессы в современном мире оказываются настолько сложными, что, образно говоря, просто «хлопнуть дверью» и уйти в никуда не получится. Тем самым, государство как форма организации общественной жизни выступает неизменным спутником человека и обеспечивает опредмечивание знаковых результатов его деятельности.

Социально-организационную устойчивость государства характеризует концепция государства-арбитра. Прежде всего, это связано со сложной и весьма противоречивой структурой общества, которая в процессе своей эволюции отнюдь не становится хоть немного проще. В любом обществе всегда были, есть и будут социальные группы и отдельные личности, предрасположенные к заметному отступлению от признанных норм социальной справедливости. Такие субъекты выражают повышенные притязания на некоторую существенную долю общественного продукта, которую они хотели бы себе присвоить. Неправомерное отчуждение выступает одной из главных причин формирования общественной необходимости в наличии социального арбитра. Причем, наличествует общая заинтересованность личностей и социальных групп именно в беспристрастном арбитраже, функции которого делегируются государству, прежде всего, это функции распределительного характера. Арбитраж, в том числе, с правом радикального вмешательства, в отношении общественных ценностей (образование, здравоохранение, природные ресурсы и пр.) требует регулирующей роли государства в их справедливом распределении между различными группами и личностями, а, случае необходимости, проведения перераспределения общественного продукта.

Осуществление государством социально-

политического арбитража связано с предоставлением от имени государства определенных гарантий одним субъектам (например, пенсий, пособий по безработице, страховых выплат и пр.) и с установлением государственных ограничений для других лиц. Скажем, в целях создания слоя мелких земельных собственников в Японии принимается в 1952 г. закон о земле. Он вводил определенные ограничения на максимум землевладения и землепользования, на размер арендуемых площадей, на юридическую процедуру перехода прав на землю из рук в руки, и т. д. После решения поставленной задачи основная часть установленных ограничений отменяется в 1970 г. Подобные ограничительные меры государства служат интересам всего общества, хотя они в той или иной мере ущемляют наличествующие интересы отдельных социальных слоев. Вместе с тем, регулирующая роль государства позволяет смягчить социальные столкновения различных сил в обществе, снять остроту возникшего конфликта интересов. Осуществляемые государством мероприятия по предоставлению социальной помощи и оказанию поддержки одним группам и действия государства по ограничению интересов других лиц и групп имеют вполне законные основания, ибо они закреплены в конституциях и законах современных государств.

Тем не менее, арбитражная функция государства в рамках выполнения изначальных требований беспристрастности на деле сталкивается с желанием каждой социальной группы иметь ангажированного арбитра, отстаивающего интересы вполне определенного сообщества. Действующие в современных государствах группы давления оказывают влияние на процесс принятия решений государственными органами, корректируют деятельность государственных должностных лиц, продавливают нужные решения через парламент. Наиболее ярким и демонстративным примером в этом отношении выступает официальное функционирование лоббистов в парламентских кругах США, где они на законном основании отстаивают свои узкогрупповые интересы в законотворческом процессе.

Социально-политический арбитраж стал

достаточно динамичным явлением в современном государстве, и он активно изменяет свое направление, в прямой зависимости от силы оказываемого давления на власть и от проводимых государством практических мероприятий. В итоге государство-арбитр зачастую демонстрирует явную пристрастность в своих действиях. Складывается прямолинейная зависимость арбитражных усилий государства: возрастание силы давления и наличие возможностей поддерживать и/или наращивать такое давление создает и усиливает преимущества определенной группы в обществе. С другой стороны на действия государства-арбитра влияет очевидная закономерность: неудовлетворение обоснованных социальных притязаний других групп является питательной почвой для возникновения конфликтов в обществе, в том числе, достаточно кровавых и губительных. Это обстоятельство возвращает государство к поиску разумного социального равновесия. Но здесь государство-арбитр подстерегает уже другая крайность в виде попыток распределения излишних социальных благ, для обеспечения которых у государства нет реальных возможностей. Прямыми следствиями подобной государственной политики являются: падение деловой активности, наступающее замедление темпов экономического развития, подталкивание к экономическому кризису, и т. п. С этих позиций можно рассматривать процесс зарождения в 2008 г. мирового экономического кризиса из-за финансового кризиса в США.

В качестве субсидиарных версий концепции государства-арбитра можно позиционировать сложившиеся традиционные представления о главе государства. Скажем, в литературе и на практике часто встречаются толкования о монархе, стоящем над классами и партиями, причем, и в современной России периодически ведутся дискуссии о возвращении к монархии. К обозначенным позициям близки по смыслу интерпретации о президенте-арбитре. В п. 2 ст. 80 действующей Конституции Российской Федерации прямо записано: «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека

и гражданина» [3]. И далее четко определяется арбитражная функция Президента РФ по отношению к деятельности других государственных институтов: он «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти» [3]. Подобные положения можно встретить и в конституциях других государств, например, во французской Конституции 1958 г.

Подчеркнем, «пирамидальный образ в еще недавнем прошлом отражал господствующую традицию восприятия социальной иерархии, имеющую корни в феодально-корпоративном сознании, и соответствовал реальной социальной структуре тоталитарного общества. Разрушение прежних ролевых принципов, усиление дифференциации вызвало и изменение образа общественной иерархии» [4]. И, тем не менее, представление о детерминированности арбитражной функции высшего должного лица остается в общественном сознании.

Более того, сущность государственной власти долгое время «ассоциировалась в сознании людей с мужской потенцией, поэтому социальными ожиданиями правителю предписывалось иметь бесчисленное множество жен и наложниц». Не случайно, «даже египетская царица Хатшепсут, приняв титул фараона, приказала изобразить себя в виде мужчины с искусственной бородкой, и это несмотря на мощные пережитки матриархата в династическом наследовании власти». Вообще, «Восток, сохранивший в цивилизованную эпоху полигамные отношения в виде гаремного брака, вместе с тем донес до наших дней представление о единстве мужской силы правителя и могущества государства. Еще не так давно, на рубеже нового времени и новейшей истории правители Ирана стремились создавать и поддерживать миф о своих сексуальных способностях, используя для этого различные затвердевающие вещества, подобные тому, как нынешние женщины Запада применяют их для придания бюсту эстетически желаемой формы» [5].

И, наконец, еще один важнейший аспект сущности государства с точки зрения социально-организационной устойчивости, это рассмотрение государства как исключитель-

ного социального института, наделенного легализованным государственным принуждением. Безусловно, в разной мере теми или иными средствами властного принуждения в отношении отдельных субъектов социальных отношений обладают и другие социальные институты, кроме государства. Скажем, любая политическая партия вполне может объявить партийное взыскание (наказание морального характера) своему приверженцу, входящему в ее состав на правах постоянного члена. Более того, в качестве наказания политическая партия (в равной мере, и правящая, и оппозиционная) вправе исключить недостойного прозелита из своих рядов. Совершенно иная ситуация складывается в процессе функционирования государства. Так, государство и уполномоченные им в законном порядке государственные органы имеют право применять легализованное государственное принуждение от имени всего общества, насильственным образом подчиняя членов сообщества установленным государством правилам, даже если эти законные нормы расходятся с правомерными убеждениями данных людей. В этих целях используется наличествующая публичная политическая власть, подключаются возможности специального аппарата принуждения, имеющегося в государстве.

В работе «Политика как призвание и профессия» Макс Вебер предложил трактовку социального института государства, в которой подчеркнул значение делегируемого монопольного права государства на легитимное применение им насилия в обществе [6]. Вебер разрабатывал различные способы социально насущной легализации применяемого государственного принуждения, и в качестве одного из таких способов легализации он обозначил устрашение. Причем, государства и сегодня нередко используют методы устрашения для того, чтобы предотвратить вероятностные нарушения установленных тем же государством стандартов общественного поведения отдельными лицами, социальными группами, разного рода организациями и учреждениями.

Тем самым, государство, наделенное по природе своей легализованным государ-

ственным принуждением, при выяснении вопроса о сущности государства неизбежно оказывается перед дилеммой: функционирует ли данное государство как полицейское государство, или же оно сохраняется как демократическое государство?! Без ответа на поставленный вопрос невозможно прояснить сущность рассматриваемого государства, вне зависимости от политической конъюнктуры. Однако, «камнем преткновения тут неминуемо становятся вопросы о соотношении морали и политики, о применении насилия как средства решения проблем общественного развития» [7].

Другим важнейшим инструментом легализации государственного принуждения выступает позитивное право. Обоснование возможности легализованного государственного принуждения становится результатом воплощения законотворческой функции государства. Однако право не является единственным способом легализации государственного принуждения, и даже возможны варианты признания целесообразности государственного принуждения вопреки самому праву. Так, в ходе политических революций формируются новые социальные нормы поведения, вполне допускающие применение насилия со стороны самого государства. Это подтверждает, например, социальная практика Великой Французской революции, когда происходит публичная казнь короля Людовика XVI и королевы Марии-Антуанетты, функционирует Революционный Трибунал, производится казнь жирондистов и т. д., а в качестве второго органа государства действует Комитет общественной безопасности, собственно и планировавший организацию террора и применение репрессивных мер. Французский алгоритм многократно повторялся в различных странах и на разных континентах, и это предмет для отдельного исследовательского сюжета.

Причем, что важно, легализация государственного принуждения опирается на позитивное общественное мнение в отношении использования принуждения. Общественное мнение, как правило, предшествует применению насилия, общественное мнение сопровождает государственное принуждение,

и общественное мнение предвещает отмену репрессивных мер. Все эти варианты проявляются в функционировании государства. Степень общественной поддержки может быть установлена различными путями, например, проведением социологических опросов, организацией референдумов, утверждением плебисцитом и др. Скажем, французская Конституция 1793 г. ратифицируется в результате позитивного плебисцита 10 августа 1793 г., когда огромное большинство в 1801918 человек проголосовали «за» и только лишь 17610 граждан высказались «против». Эта французская конституция подтвердила своими ключевыми нормами отмену социальной тирании, о чем говорилось еще в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Как показывает, в частности, опыт Великой Французской революции, очень важно выяснить, насколько применение насилия в данном конкретном случае коррелирует с интересами общества, причем не только с наличествующими ожиданиями общественного большинства, но и как оно защищает (или, по крайней мере, не нарушает) права меньшинства, соотносится с общечеловеческими ценностями. Необходимо также учитывать специфику оценки применяемых процедур по выяснению степени законности государственного принуждения. Ведь, скажем, произошедшая концентрация государственной власти в Германии исключительно в руках Адольфа Гитлера закреплялась референдумом 19 августа 1934 г. с одобрением действий фюрера 89,93% электората. На вопрос о целесообразности объединения в Германии государственных постов президента (главы государства) и канцлера (главы правительства) подавляющее большинство граждан (38394848 из 43568886) ответило положительно. Вследствие этого общенационального решения прежние права президента Германии (умершего Пауля фон Гинденбурга) вполне законным образом перешли к вождю (фюреру) и государственно-му канцлеру (рейхсканцлеру немецкого народа) Адольфу Гитлеру, официально занявшего эту объединенную государственную должность (Führer und Reichskanzler des deutschen Volkes); одновременно он оставался также вождем (фюрером) национал-социалисти-

ческой немецкой рабочей партии (правящей и единственной законной партии в Германии с 1933 г.).

Безусловно, легализованное государственное принуждение в подобных условиях фактически (де-факто) уступает место открытой тирании и законодательно оформленному (де-юре) насилию после произошедшей узурпации власти, причем именно государство становится инструментом осуществления тирании и насилия, придавая определенную легитимность проводимым репрессивным мерам. Соответственно, с точки зрения сущности государства, формируется тенденция перехода к полицейскому государству в его крайней форме тоталитарного фашистского государства.

Легализованное государственное принуждение закрепляется в юридических гарантиях государственного суверенитета, а «они направлены на защиту правовой системы государства. Концептуально это обосновано тем, что именно с помощью правовых средств обеспечиваются национальные интересы в сфере экономики, экологии, оборонной и других областях. Юридические гарантии одновременно выступают и в качестве фактора, ограничивающего деятельность государства — так, правовая форма таких гарантий способствует обеспечению прав граждан и их защите от произвола со стороны государства в его стремлении защитить свою независимость и верховенство» [8].

Многогранная сущность государства может быть рассмотрена с точки зрения оказываемого влияния различных религиозных систем, воздействия на государство религиозной догматики, сосредоточенной не только в мировых религиях, но и в выходящей за пределы мировых религий социальной реальности. С общетеоретических позиций для государства в принципе важна не столько воздействующая на него религиозная система, а, прежде всего, отношение к ней самого государства. Тогда религиозная сущность государства проявляется в следующих вариантах: атеистическое государство (такое государство не просто отрицает религию, но и активно борется с любыми религиозными явлениями в обществе, в том числе, с религиозными ор-

ганизациями), светское государство (такое государство публично демонстрирует толерантное отношение к религии по принципу «церковь отделена от государства, а государство отделено от церкви»), клерикальное государство (такое государство подчеркивает разумное сочетание интересов конкретной церкви и государства, взаимодействие государственных институтов с церковной организацией, которая реализует часть присущих государственных функций и получает прямую бюджетную поддержку от государства), теократическое государство (такое государство предполагает безраздельное политическое лидерство церковной организации и полный церковный контроль деятельности государства).

Религиозная сущность государства повышает жизненные возможности населяющих его народов, зачастую делает довольно могущественными страны, где церковь причастна к функционированию политического класса. В свою очередь, общество в условиях воздействия на него религиозной системы поддерживает общественное устройство, при котором государство и иные социальные институты учитывали бы преобладающие в стране религиозные общественные настроения. В результате на государственном уровне происходит закрепление вполне определенного отношения к конкретной религии, с учетом позитивного или же негативного ее влияния на государство, причем, характер этого влияния и фиксируется в сущности государства. Коллизия состоит в том, станет ли государство одним из самых главных религиозных проповедников, или же, в худшем для религиозной организации случае, будет ее ограничивать, в том числе, занимаясь уничтожением всего, имеющего отношение к религии. Предельная религиозная сущность государства воплощается в теократическом государстве, где конкретная религиозная организация играет главенствующую роль. Как и любой иной социальный институт, церковь стремится к укреплению своих позиций в обществе, поэтому она обречена на взаимодействие с государством. Проблема заключается в том, чтобы взаимообогащение культурно-исторического характера не переросло в нечто

большее. В современном мире большинство государств однозначно фиксируют свой светский характер, закрепляют конституционно-правовой статус светского государства, чем и ограничивают свою религиозную сущность. Однако, реальная грань взаимодействия государства с церковной организацией достаточно подвижна, а соответственно степень сближения государства с церковью получается различной. Нередко в современных государствах наблюдается тенденция клерикализации государства, остающегося при этом по конституционно-правовому статусу светским государством. Церковь всегда занимала свою экологическую нишу в обществе, продуцировала свой характерный ландшафт, сохраняя свое социально-культурное своеобразие. Вместе с тем, религиозная сущность государства не устойчива, она далеко не всегда жестко проявляется, а, соответственно, имеет определенную историческую и социальную динамику. Но это вовсе не мешает любому обществу бережно сохранять и поддерживать функционирование религиозных систем. Естественно, международная исламистская суннитская организация (запрещенная в Российской Федерации) ИГИЛ, характеризующая в качестве непризнанного квазигосударства [9], выходит за пределы такого отношения общества.

Степень доминирования в политике конкретного государства интересов этнических групп свидетельствует о наличии национальной сущности государства. Все государства с этих позиций можно поделить на полиэтнические и мононациональные государства, хотя процессы глобализации постепенно уменьшают количество мононациональных государств: их в современном мире уже практически не остается. Эта ситуация актуализирует необходимость изучения проблемы национальной сущности государства, когда требуется определить характер воздействия противоречивых национально-этнических факторов не только на сложные процессы государствообразования, но и на функционирование данного государства. Здесь существует целая совокупность не всегда решенных вопросов, например, о целесообразности конституционно-правового закрепления статуса

титальной нации, законодательного утверждения государственного языка и правового порядка его использования, о необходимости государственной пропаганды интернационализма, о государственной поддержке межэтнической толерантности, о борьбе государства с правонарушениями на межнациональной почве и др.

Этнократические тенденции прочно закрепляются в менталитете этнических групп, и даже через длительный период времени способны давать о себе знать. Так, в 1936 г. донские казаки К. Крючок, Маляхов, Самсонов написали И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову и С. М. Буденному письмо, в котором после всех благодарностей и заверений в верности, предложили: «Просим организовать между нами Красно-Казачью Автономную Советскую Социалистическую Республику. Дабы более нам, Красным казакам, сплотиться на отпор буржуазии, также и не быть с другими национальностями и иметь право [на автономию], как и все остальные нации. Просим и Ц. И. К. разрешить это предложение и опубликовать в газетах». При этом авторы письма утверждали, что это пожелание ими выражено «со слов усех казаков — донских, кубанских и [*]вских, (очевидно, терских — *авт.*)» [10]. Тем самым, через 16 лет после ухода в небытие Всевеликого Войска Донского, в совершенно новых исторических условиях казаки сохраняли надежду на свою, пусть усеченную, казачью государственность.

Национальная сущность современного российского государства закрепляется в самых первых положениях действующей Конституции Российской Федерации 1993 г. В первой части статьи 3 подчеркивается, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [3].

Выявление социальных пределов национальной сущности государства не возможно без решения вопроса об этнократии. Особенно это актуально для многонациональных государств, ведь когда только одна этническая группа, лишь один этнос преобладают в государстве, и, более того, исключительно от своего имени осуществляют в общест-

ве государственную власть, то неизбежно возникает проблема соблюдения интересов других этнических групп. В условиях неоднородного общества утверждающаяся этнократия неизбежно провоцирует тяжелые социальные конфликты. Современное государство стоит перед необходимостью найти приемлемый вариант решения проблемы достаточного представительства интересов национальных меньшинств в наличествующих государственных и общественных структурах. Не менее актуальной является проблема реализации права аборигенов в различных сферах жизни общества и государства, когда «коренной» этнос получает определенные законом привилегии, и/или дополнительные социальные гарантии для удовлетворения своих национальных интересов.

Выяснение социальных пределов национальной сущности государства, степени воздействия противоречивых национально-этнических факторов на функционирование государства, отношения различных этносов к осуществлению государственной власти позволяет определить следующие варианты национальной сущности государства: интернациональная (сочетание интересов этносов в жизни общества, когда каждый из них занимает свою нишу, а государство действует от имени всех этнических сообществ); этнократическая (когда определенный этнос осуществляет государственную власть, но учитывает интересы других национальных групп); националистическая (когда наличествует этническое доминирование одной национальной группы, а интересы и потребности других национальных групп всячески ограничиваются).

Предельная национальная сущность государства выражена в двух крайностях государствообразования: в стремлении государства к стиранию национальных различий в интернациональном государстве, или в целенаправленном продвижении государством националистических идеалов превосходства одной нации и физическом уничтожении представителей других этнических групп в националистическом государстве. Если постепенное стирание национальных отличий в государственном строительстве и обще-

ственной жизни отчасти отражает глобалистские тенденции в процессе этногенеза отдельных этнических групп, то националистическая сущность государства, как правило, превращает его в фашистское государство, и удержаться при движении по скользкой дорожке возрождения национализма вряд ли удастся, что и демонстрирует современная Украина, где разгул националистического мракобесия и откровенного фашизма приобретает все больший размах.

Как мы полагаем, фашистское государство — это политическая организация в тоталитарном обществе, основанная на признании исключительной (мессианской) роли выдвинувшегося вождя нации (фюрера), опирающаяся на всеобъемлющее государственное регулирование в экономике и националистическую идеологию в общественной жизни, формирующая иерархические сословно-корпоративные социальные структуры (прежде всего, фашистскую партию), подавляющая с помощью разветвленного полицейского аппарата насильственными методами любое инакомыслие в обществе, стремящаяся к территориальной экспансии и публичному распространению и навязыванию исключительных националистических и расистских идей.

С национальной сущностью государства тесно связана расовая сущность государства, и, как правило, националистические государства публично демонстрируют и свои расовые приоритеты, подчеркивая расистскую направленность государственной политики. Исчезновение с политической карты мира ряда государств с публичными режимами всеобъемлющего апартеида (Южно-Африканская Республика, Демократическая Кампучия и др.), обеспечивавших расовое превосходство отдельных рас, расовую и этническую сегрегацию, кардинально не изменило отношение к расовой сущности государства. Эта проблема остается достаточно актуальной в условиях глобальной миграции населения, представляющего различные человеческие расы, смешивание которых не всегда протекает в бесконфликтном порядке. Поэтому изучение расовой сущности государства относится к числу злободневных задач теории государства и права.

В исторической ретроспективе длительное время существовали государства с ярко выраженной расистской сущностью (хотя и прикрывавшиеся фиговым листком демократии), обеспечивавшие расовое доминирование представителей одной расы над другой. Например, подобные отношения господствовали в США, причем, на протяжении большей части истории американского государства (да и сегодня они имеют место быть в локализованном варианте). Эта ситуация оказала существенное влияние на развитие многих государств, а отголоски расового превосходства дают о себе знать не только в наличии и воздействии бытового расизма на общественную жизнь в настоящее время, но и в функционировании современного государства. Так называемые страны «золотого миллиарда» в свое время сколачивали огромные материальные и культурные богатства с помощью беспощадной расовой эксплуатации населения захваченных колоний. Названные страны сегодня гарантируют достаточно высокий уровень социального обеспечения своим гражданам, и это формирует социальное отчуждение этих государств от остального человечества, подпитывает, в частности, ненависть к белой расе со стороны других расовых групп, скажем, тех же латиносов.

Преодоление предельной расовой сущности государства, отрицание расистского государства и утверждение антирасового государства как двух крайних социальных состояний расовой сущности государства ставит перед государствами насущную проблему выработки и закрепления политкорректного отношения на уровне государства и в функционировании гражданского общества к людям «с другим цветом кожи». Особенно это актуально для стран, где сегодня проживают представители разных человеческих рас. Например, в США в отношении представителей негроидной расы официально закреплено понятие «афроамериканцы», их права гарантируются в законах о гражданских правах 1957, 1960 и 1964 гг., электоральное равноправие подтверждено в законе об избирательных правах 1965 г., и, кроме того, действует 24-я поправка к Конституции США, принятая в 1964 г. [11] Во Франции в настоящее вре-

мя утвердилось в государственной и общественной жизни понятие «француз алжирского происхождения». Однако, эти позитивные примеры вовсе не снимают с актуальной повестки дня вопрос о расовой сущности государства. Ведь современные западные страны в своем стремлении к ограничению притока нежелательных мигрантов превращаются в закрытые государства, где регулирование миграции способствует установлению новых расовых барьеров.

Таким образом, сущность государства является достаточно многоаспектным феноменом в теории государства и права. Она, увы, не сводится исключительно лишь к классовым и общесоциальным началам, о чем можно прочесть в любом вузовском учебнике по теории государства и права. Соответственно к используемому в данном случае критерию социально-политического интереса следует добавить также другие типологизирующие признаки. Критерий социальной организации позволяет рассматривать сущность государства с иных сторон. Социально-организационная устойчивость государства подчеркивает его три базисных качества: как универсальной социальной организации, как своеобразного социального арбитра, как воплощенное легализованное государственное принуждение. Кроме того, сущность государства вполне может быть рассмотрена с точки зрения оказываемого влияния на государство различных религиозных систем и отношения самого государства к религиозной догматике, сосредоточенной не только в мировых религиях, но в совокупности верований, выходящих за социокультурные пределы мировых религий. Сущность государства в своих интересах интерпретируется этническими группами, доминирующими в конкретном государстве, а степень этого доминирования позволяет говорить о трех вариантах национальной сущности государства: интернациональной, этнократической и националистической. В актуальной повестке дня находится и расовая сущность государства, подчеркивающая отношение государства к расовой проблематике. Безусловно, на сущность государства оказывают влияние и иные факторы: исто-

рические, географические, культурные и пр. Однако, на наш взгляд, вышеизложенные стороны сущности государства практически исчерпывают представления о рассматриваемом понятии теории государства и права, хотя любое из вышеназванных начал в разной степени оказывает воздействие на государство, тем самым, проясняя в том или ином варианте его сущность.

Литература

1. Ленин В. И. Великий почин. // Полн. собр. соч. — Изд. 5-е. — Т. 39. — С. 15.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 07.02.2017).
3. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
4. Лукичев П. Н., Скорик А. П. Поведенческая типология студенческой группы. // Социологические исследования. — 1995. — №7. — С. 113.
5. Лукичев П. Н., Скорик А. П. Фаллический культ: социоисторический анализ. // Социологические исследования. — 1994. — №12. — С. 83.
6. Вебер М. Политика как призвание и профессия. // Избранные произведения: Перевод с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990. — С. 643–706.
7. Скорик А. П. Проблемы экспериментов и ошибок в историческом процессе: Дисс. ... докт. философ. наук. — Ростов н/Д: Ростовский государственный университет, 2001. — С. 47.
8. Мамедов Р. В. Конституционно-правовая природа суверенитета. // Новый юридический журнал. — 2013. — №2. — С. 65.
9. Лукичев П. Н., Скорик А. П. Квазигосударственность. // Полис. Политические исследования. — 1994. — №5. — С. 139–142.
10. Скорик А. П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. — Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. — С. 321.
11. Семенцов Н. Ю. Гражданские права

афроамериканцев в политике федеральной власти США в 1945–1953 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. — Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2013. — С. 3.

Поступила в редакцию

13 января 2017 г.

Александр Александрович Невесёлов — кандидат юридических наук, доцент кафедры публично-правовых дисциплин Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Aleksandr Aleksandrovich Neveselov — Ph.D., Candidate of Law, docent at the South-Russian State Polytechnic University (NPI) of M. I. Platov name department of Public and Law Academic Disciplines.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (908) 504-30-30; e-mail: spirit2008net@mail.ru

Александр Павлович Скорик — доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Aleksandr Pavlovich Skorik — Ph.D., Doctor of Philosophy, Doctor of History, professor, head of the State and Law Theory and Russian History department at South-Russian State Polytechnic University (NPI) of M. I. Platov name.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 8635 25 55 79; e-mail: s_a_p@mail.ru